

УДК 811.161.1:398.21

**КОНЦЕПТ «БРАТ»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ**

Хруль С.

К наиболее влиятельным и общепонятным концептам в славянских языках и культурах относится концепт «брат», который обладает рядом специфических свойств как лингвистического, так и нелингвистического характера. Данная статья основана на анализе концепта «брат» и представляет его эволюцию в более широком контексте русской культуры. Автор предлагает когнитивное определение концепта «брат», которое состоит из 14 фасет. К особенностям этого концепта стоит отнести универсализм, широкий синонимический ряд и стилевое разнообразие (от высокого стиля церковных проповедей до уголовно-блатного жаргона), а также значимую ценностную позицию (брат и братство дороже любых материальных благ). В качестве причин эволюции концепта брат автор рассматривает принудительную секуляризацию общества в советское время, эрозию семейных ценностей и криминализацию жизни в СССР и России.

Ключевые слова: брат, концепт, когнитивное определение, фольклор, литература, культура.

**THE CONCEPT OF “BROTHER”
IN RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE**

Chrul S.

The concept of “brother” is one of the most important in Slavonic languages and cultures and has some specific properties, both linguistic and non-linguistic. The proposed paper is based on the concept of “brother” analysis and presents its evolution in the broader context of Russian culture. The author proposes a cognitive definition of the concept of “brother”, which consists of 14 facets. The concept is universal, with a wide synonymous range and stylistic diversity (from the high style of church sermons to criminal jargon), as well as a high value position (brother and brotherhood

are more valuable than any material wealth). The author considers the forced society secularization during the Soviet era, the erosion of family values and life criminalization in the USSR and Russia to be the main reasons for the evolution of the concept.

Keywords: brother, concept, cognitive definition, folklore, literature, culture.

Потребность в анализе концептуальной сферы – появления, генезиса, динамики, взаимодействия, взаимовлияния различных концептов в языке и культуре является, по нашему мнению, очень важной для понимания современного мира и предотвращения недоразумений на почве недостаточной рефлексии в этой области. Следовательно, получение надёжного знания о концептуальной сфере становится все более актуальным для межкультурной коммуникации.

В статье рассмотрен один из культуuroобразующих концептов в славянских культурах – концепт «*брат*». В русской культуре он обладает рядом специфических свойств как лингвистического, так и нелингвистического свойства, поэтому работа естественным образом выходит за пределы собственно языкознания и обращается к анализу концепта «*брат*» в более широком историческом и современном контексте русской культуры.

1. Зарождение концепта «брат» в русской культуре

Вопрос о том, как концепт «брат» зарождался в русской культуре, только на первый взгляд может показаться простым.

В индоевропейском понимании слово *брат* имело немного другое значение, чем в настоящее время. *Братьями* являлись лица мужского пола, объединенные не кровным, а ментальным родством. В те времена родоплеменные отношения имели меньшее значение для индивидов, чем ментальное родство общества. В рамках полигамных отношений установление кровного родства было невозможно.

Выделение единокровных братьев и сестер начинается после перехода индивидов от полигамии к моногамии, когда появились институты брака и наследственности.

«Позднее, когда была установлена связь между зачатием и рождением, возникла потребность в обозначении единокровных братьев и сестер... Так, например, в греческом языке для называния кровного родства, соединяющего брата и сестру, использовались слова ἀδελφός / ἀδελφή (adelphós / adelpha) 'вышедший – вышедшая из одного чрева'. В этом же значении употреблялись также прилагательное ομογάτριος / ομογάτριη (homogástrios / homogástria) 'единоутробный / единоутробная' и специальное выражение ὁμο-πάτριος, ὁμο-μήτριος (homo-pátrios, homo-métrios) 'от одного и того же отца, от одной и той же матери'» [2, с. 36].

Развитие брачного и наследственного институтов также требовало выделения степени кровного родства. Например, во избежание кровопролитных междоусобных войн за наследство отца, нужно было установить порядок наследственности, что привело к созданию таких концептов как «дядя», «тетя», «двоюродный брат» и так далее.

Потребность в уточнении степени родства начала возрастать и привела к появлению новых определений (например: *родной, кровный, молочный, двоюродный, сводный*).

«В Древней Руси, кроме братьев по крови, монашеской братии и крестного братства, различали также княжеское братство. Оформившись в X-XI вв., эта "дружина-братство" представляла собой княжью воинскую семью во главе с князем-отцом, поэтому входившие в нее молодые люди считались между собой братьями, что и обусловило обращение» [2, с. 37].

Здесь характерным примером является обращение из «Слова о полку Игореве»: «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ...; Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимирера...; Братие и дружино! Луце жь бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону» и т.д. [11].

Также в пример можно привести слова Дмитрия Донского перед Куликовской битвой: «Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: *братья! Умремъ за Отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ!*» [5]. Таким

образом, в древнерусском собирательном слове *братия* / *братья* обнаруживается, с одной стороны, связь с традициями греческой фратрии, восходящей к индоевропейским представлениям о братстве (*bhrāter), а с другой – связь с Православием, в русле которого протекало формирование русского языка как национального.

2. Брат в русских народных сказках

Отличным материалом для изучения концепта «брат» и его анализа, являются русские народные сказки, ведь они отражают народное знание о мире, его устройства с точки зрения народа и его отношение к миру.

Разделим все сказки, использующие лексему «брат» на несколько групп:

В первую группу входят сказки о двух братьях.

1. О бедном и богатом брате: «В одной деревушке жили два мужика, два родные брата: один был бедный, а другой богатый. Богач переехал на житье в город, выстроил себе большой дом и записался в купцы; а у бедного иной раз нет ни куска хлеба, а ребятишки плачут да есть просят» [10, «Горе»].

2. О старшем и младшем брате: «Жил да был мужик, прижил двух сыновей и помер. Задумали братья жениться: старший взял бедную, младший – богатую; а живут вместе, не делятся [10, «Две доли»].

3. О дружных братьях: «Гуляли по чистому полю два Мороза, два родные брата, с ноги на ногу поскакивали, рукой об руку поколачивали» (сказка «Два Мороза») [3].

Во вторую группу входят сказки о трех братьях.

Сказки такого типа характерны тем, что в них, как правило, младший брат назван очень характерным для русской традиции именем *Иван*, в некоторых вариантах *Иванушка*, как правило – «дурак». В некоторых случаях, преодолевая трудности, Иван возвышается над старшими братьями. Приведем примеры:

«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик, у него было три сына: двое – умных, третий – дурак. Помер старик, сыновья разделили имение по жеребью: умным досталось много всякого добра, а дураку один бык – и тот худой!» [10, «Дурак и береза»].

Братьев объединяет общая задача или проблема, которую им необходимо решить всем вместе: «В то самое время братья Ивана-царевича, Димитрий и Василий царевичи, ездя по разным государствам и не найдя жар-птицы, возвращались в свое отечество с порожними руками» (сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке) [10, «Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке»].

Эта группа самая многочисленная, поэтому рассмотрим ее более пристально. Кроме того, что младшего сына считают дураком, так же устойчиво представление о том, что он вечно лежит на печи. Иван настолько ленив и не хочет слезать с печи, что в некоторых сказках печка даже возит на себе дурака по всему государству: «Был-жил старик со старухою; у них было три сына: двое – умные, третий – Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил» [10, «Иванушка-дурачок»].

В начале сказки мы можем наблюдать как слаб третий сын, на фоне остальных и как над ним все потешаются. В конце же сказки он заслуживает признания и уважения со стороны окружающих. Почему же третий сын такой «дурак»? Видимо в русских сказках нашлось отражение устройства феодального общества, перенятого от викингов. В отличие от западноевропейского принципа наследования, где земля разделялась между всеми братьями, по примеру Карла Великого. Поэтому у северных народов было правило, по которому все доставалось старшему сыну, а остальные были вынуждены уходить воевать в дальние походы. Вернется с добычей – хорошо, не вернется – меньше «ртом» кормить. Поэтому-то Иван и «дурак», потому что рассчитывать на наследство ему не приходится. А для скитаний и занятия грабежами много мозгов и не надо.

Чем больше контраст между старшими и младшим братом, тем больше уважения получает младший брат, возвышаясь над ними. Это своеобразный художественный прием, который обращает внимание слушателя на положительные качества персонажа. Среди этих качеств мы можем перечислить: скромность, доброта, честность. Данные качества высмеиваются старшими

братьями и принимается как доказательство его глупости. Когда же младший брат возвышается на фоне старших, сказка высмеивает злое начало старших братьев и их качества: лживость, жадность, скупость, и др.

Хорошим примером данной концепции является сказка «Сивко-бурко». У отца было три сына: два умных, а младший Иванушка-дурачок. Так, во всяком случае, все думают поначалу. А затем выясняется, что младший брат во всех отношениях превосходит старших – он и умнее, и добрее, и благороднее. С помощью коня Сивки-бурки он выходит победителем из всех испытаний, разбивает козни своих братьев-завистников, добывает в жены красавицу царевну» [10, «Сивко-бурко»].

Зачастую дурак приносит вред семье, но делает это не по злему умыслу, а по глупости. Такой художественный прием используется в надежде на симпатию слушателя, ведь Ванька-дурак правдив и простодушен и каждый раз испытывает неудачу из-за своего чистосердечия. Звание дурака можно объяснить его незнанием элементарных понятий.

Третью группу составляют сказки о братьях и сестре (сестрах).

Обычно в них братья выручают сестру или становятся ее жертвами и наоборот: «Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Аленушкой» [10, «Сестрица Аленушка, братец Иванушка»]. Во второй группе было представлено негативное отношение братьев к младшему, а вот с сестрами совсем иная ситуация: забота о младшем брате (со стороны сестры) лежит в основе практически во всех русских сказках.

Заметим, что в русских сказках брат, в основном, играет роль наставника, спасителя, попечителя, а иногда и подопечного (по отношению к сестрам) друга, а иногда и соперника (по отношению к братьям). Например, в сказке С.Я. Маршака «Двенадцать месяцев»:

«Братец Январь, уступи мне на час свое место.

Январь. Я бы уступил, да не бывать Апрелю прежде Марта.

Март. Ну, за мной дело не станет. Что ты скажешь, братец Февраль?

Февраль. Ладно уж, и я уступлю, спорить не буду.

Январь. Если так, будь по-вашему! (*Ударяет о землю ледяным посохом*)...

Ну, теперь твой черед, *братец* Февраль! (Передает свой посох лохматому и хромоту Февралю)...

Февраль. Теперь твой черед, *братец* Март!..

Ну, теперь ты бери посох, *братец* Апрель...» [9].

Характерно, что отрицательное отношение к концепту «брат» проявлено в два раза реже, всего в 14 сказках. Это говорит о том, что на протяжении многих лет в русской культуре к данному концепту относились положительно.

Таким образом, анализ русских сказок однозначно указывает на важность концепта *брат* в русском фольклоре и его центральное место в народной культуре.

3. «Брат» в русских классических произведениях

Концепт «брат» имеет глубокую и широкую культурную преемственность в русской литературе непосредственно от ее истоков, произведений авторов XI-XII вв. – «Борисоглебский цикл», «Повесть временных лет» и т.п..

Постоянство обращения к этой теме, настойчивая проповедь единства свидетельствуют о чрезвычайной остроте нравственного понимания «братства» для русского сознания. Описанием отношения братства - как родственного, так и духовного проникнута классическая русская литература.

Кульминацией, или вершиной осознания этого концепта стало творчество Ф.М. Достоевского. Особенно ярко функционирование концепта «брат» проявилось в романе «Братья Карамазовы».

У концепта «*брат*» у Достоевского есть, по крайней мере, два плана развёртывания: 1) прямое направление, подразумевающее обозначение кровного родства и 2) вторичное направление, которое указывает на какую-то общность людей, которые не являются родственниками. Основное значение можно реконструировать из текстов главных персонажей романа – братьев Карамазовых (Алеши, Дмитрия, Ивана). Вторичное значение слова «брат» реализуется при условии, если собеседники не состоят в отношениях кровного родства (например, дружеское обращение к мужчине, юноше, мальчику).

Первое направление можно проиллюстрировать цитатами Дмитрия Карамазова. Он говорит: «Видишь, я давно хотел тебе многое здесь, в этих облезлых стенах выразить, но молчал о главнейшем: время как будто все еще не приходило. Дождался теперь последнего срока, чтобы тебе душу вылить. Брат, я в себе в эти два последние месяца нового человека ощутил, воскрес во мне новый человек!» [4, глава «Гимн и секрет»].

Далее Дмитрий обращается к брату: «Слушай, Алеша, слушай, брат. Теперь я намерен уже все говорить. Ибо хоть кому-нибудь надо же сказать. Ангелу в небе я уже сказал, но надо сказать и ангелу на земле. Ты ангел на земле. Ты выслушаешь, ты рассудишь, и ты простишь... А мне того и надо, чтобы меня кто-нибудь высший простил. Слушай: если два существа вдруг отрываются от всего земного и летят в необычайное, или по крайней мере один из них, и пред тем, улетаая или погибая, приходит к другому и говорит: сделай мне то и то, такое, о чем никогда никого не просят, но о чем можно просить лишь на смертном одре, – то неужели же тот не исполнит... если друг, если брат?» [4, глава «Исповедь горячего сердца»].

Именно с обращения «брат» Дмитрий начинает «исповедоваться» Алеше. Здесь становится очевидной богословско-христианская традиция понимания концепта «брат», которая указывает на воплощение в образе Алеши черты житийного героя и на его несомненную связь с образом одного из самых почитаемых на Руси житийных персонажей – Алексия, человека Божия.

Все замеченные в романе Достоевского смысловые аспекты концепта «брат» определяются основной идеей произведения, идеей единения людей, и общей вины каждого «за все и за вся» в этом мире. Кроме того, роман связан с библейской легендой о двух братьях – Каине и Авеле, а это еще одна грань развертывания концепта «брат» в мировоззрении Ф.М. Достоевского. Репрезентацией одного из фрагментов библейской истории является фраза «Сторож я, что ли, моему брату Дмитрию?» [4, глава «Сговор»]. И это почти точное повторение стиха из Библии, где Каин, пытаясь снять с себя

ответственность за убийство брата, отвечает на вопрос Бога: «Где Авель, брат твой?» словами: «Не знаю; разве я сторож брату моему?» (Быт. 4:9).

Роман «Братья Карамазовы» формирует в сознании читателя идеальную поведенческую модель человека, характеризующуюся чувством ответственности за все человеческое братство, а также идею особого отношения к проявлениям зла, которая основана на идее братской виновности и персональной ответственности за совершившееся зло. Именно осознание виновности и ответственности становится, по мысли Достоевского, фундаментом для строительства нового «братства».

В результате соотнесения сюжета о братьях Карамазовых с библейской историей о Каине и Авеле начинает актуализироваться архаическая информация, содержащаяся в слове «брат», которая связана с религиозно-мифологическим представлением о том, что все люди – братья.

Концептуализация Достоевским слов «*братья*» и «*братство*» в системе художественного целого романа получает выражение в поучениях старца Зосимы. Помимо упомянутых выше идей *единения*, *виновности*, *ответственности*, в словах Зосимы речь идет о необходимости страдания в процессе обретения истины.

Таким образом, Ф.М. Достоевский в своем романе актуализирует и «реанимирует» метатекстовую категорию «братства», богатая семантическая конфигурация которого была утрачена на протяжении веков. Концепт «брат», сохраняя свои основные языковые значения, перерастает в новый концепт – «братство». Братство в романе «Братья Карамазовы» представляет собой «возможный мир», реальность, которая может быть построена, если люди осознают свое единение и свою вину. Следовательно, ключевой концепт «брат» напрямую связан с основной проблемой романа (человеческого единения) и ее художественным воплощением.

4. Мотив «брата» в российском кинематографе

Столь богатый и многоуровневый концепт, как «брат», нашел свое обширное отражение в советском и российском кинематографе. Даже простой

поиск по названию кинокартин на сайте Кинопоиск.ру [7] дает убедительные результаты – 44 фильма со словом «брат» в названии были сняты в СССР и еще 56 фильмов – в постсоветской России.

К достижениям советского кино относится лента известного писателя, режиссера и актёра Василия Шукшина «Ваш сын и брат» (1966), в которой речь идет о бытовых проблемах в жизни одного из героев. Пафос фильма заключен в призыве признать сыном и братом обыкновенного паренька, который сталкивается с проблемами в жизни. Как и во многих фильмах Шукшина, сценарий к киноленте он написал сам.

Еще один фильм, более идеологический, был снят выдающимся режиссером Юрием Чулюкиным в 1979 г. Лента о борьбе «белых» и «красных» на Дальнем Востоке в 1922 г. называется «Поговорим, брат...». В партизанский отряд Туманова из Владивостока прибывает член подпольного обкома партии Петр Кокорин и ставит перед отрядом задачу захватить у белогвардейцев вагоны с оружием, соединиться с другими отрядами и отбить населенный пункт, поддержав наступление Красной Армии. В отряде он встречает своего брата, и вместе они помогают установлению Советской власти на Дальнем Востоке.

Однако наиболее известными фильмами, основанными на концепте «брат», стали легендарные ленты «Брат» (1997) и «Брат-2» (2000) одного из самых популярных российских режиссеров Алексея Балабанова.

В первом фильме Данила Багров после службы в армии вернулся в небольшой городок, однако потом направился в Петербург на поиски брата, который оказался наемным убийцей. И далее именно чувство братства не позволило одному из братьев убить другого. Данила воспринимает данное понятие буквально, не понимая, в каком значении употребляется слово «брат» в разговорной речи и в переносном смысле. «Немца», который ему помог, Данила никогда не назовет братом, не смотря на все хорошее, что для него сделал этот человек. В то время как своего брата Витю Данила простил, не смотря на то, что брат его фактически предал.

В фильме прослеживается структура русской волшебной сказки. Данила очень силен, но он, как настоящий сказочный герой никогда на подвиги не напрашивается, наград не ищет, не зависит от чужого мнения, не хвастается своей силой, а врагов крушит как бы нехотя.

Мифологический герой в двух фильмах Алексея Балабанова, которые стали одними из самых популярных в России, «попал» в сердцевину современной русской культуры. Здесь затронуты важные характеристики культурно-языкового концепта «брат», и поэтому фильм «разошелся» на цитаты, которые можно услышать по всей стране из уст людей разных возрастов и социального положения.

5. Когнитивное определение концепта «брат»

В современной лингвистике одним из основных типов дефиниций является так называемое *когнитивное определение*, которое показывает связи между культурой и языком. Важным аспектом когнитивного определения является знание о том, как понимают данный предмет сами носители языка, а не представители иной культуры. Например, в рамках данной работы важно определить, как понимают культурно-языковой концепт «брат» носители именно русской культуры, а не немцы, англичане, бразильцы или поляки.

Именно благодаря когнитивному определению можно вывести и адекватно определить базовые концепты, в том числе и столь фундаментальный для русской культуры концепт «брат».

На главные свойства когнитивной дефиниции указал Е. Бартминьский. Он справедливо полагает, что а) когнитивная дефиниция раскрывает обычное, простое понимание действительности в результате создания ее носителем культуры; б) она указывает качества типичного предмета, его стереотипные признаки и в) она не обязательно должна содержать категориальный составной элемент [13, s. 172]. В частности, в данной работе при анализе концепта «брат» нами обнаружены стереотипные признаки и показано, что этот концепт является элементарным, базовым, не требующим категориальных признаков.

Составным элементом когнитивного определения является фасета. Поскольку когнитивные определения могут касаться разных концептов, наборы их фасет будут отличаться друг от друга. Когнитивная дефиниция является очень индивидуальной, зависимой от человека, языков, на которых он говорит, среды, в которой он вырос, ассоциаций, взгляда на мир и т.д.

С.А. Аскольдов, одним из первых обратившийся к понятию *концепт*, считал, что наиболее существенной функцией концептов как познавательных средств является функция заместительства. Он называл концепт «мысленным образованием, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, с. 268].

Д.С. Лихачев, продолжая рассуждения С.А. Аскольдова, подчеркивал: «Концепт – личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения» [8, с. 281]. В.И. Карасик понимает концепт как «многомерную ментальную единицу с доминирующим ценностным элементом» [6, с. 11].

И.А. Стернин определяет концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности общества и несущее комплексную энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [12, с. 258].

На основе проведенного исследования, мы пришли к следующему когнитивному определению языкового концепта «брат», которое представлено в таблице:

Когнитивное определение культурно-языкового концепта брат

Фасета	Информация
Название	брат
Синонимы	<i>бро, кузен, кровник, мелкий, супостат, брателла, братишка, братец, братан, браток, брательник</i>

Гипонимы	<i>младший брат, брательник, братка, браток, малой, мелкий, деверь, шурин, кузен, инок, монах, черноризец, мцыри</i>
Гиперонимы	<i>родственник, кровник, сиблинг, человек</i>
Антонимы	<i>сестра</i>
Меронимы	<i>братва, братия, шатия-братия</i>
Одежда и атрибуты	<i>разнообразные</i>
Корреляты	<i>сестра, младший брат, старший брат</i>
Свойства, не связанные с внешним миром	<i>Брат дороже любых материальных благ, брат есть великое благо, счастье, к которому нужно стремиться.</i>
Положительные качества	<i>скромность, доброта, честность</i>
Отрицательные качества	<i>лживость, жадность, скупость</i>
Деятельности и процессы	<i>Забота и обеспечение благополучия семьи, взаимопомощь. Главный после отца в семье.</i>
Отношение к брату	<i>Основываясь на анализе сказок, чаще всего к брату относятся положительно, следовательно, и качествами он должен обладать положительными. Такое же явление наблюдается в пословицах и поговорках.</i>
Отношение брата к другим	<i>1. К родным и близким: стремление защитить их. Прощение их, чтобы те не натворили. 2. К врагам: беспощадное уничтожение.</i>

Таким образом, когнитивное определение концепта «брат» состоит из 14 фасет. Информация, приведенная в таблице, передает главные черты, описывающие брата, знакомые каждому среднестатистическому носителю русского языка и культуры.

6. Особенности концепта «брат» в русской культуре

В качестве особенностей именно этого концепта следует отметить его *универсализм* (он употребляется в различных субкультурах и, словно «шампур», пронизывает разные слои коммуникации), *широкий синонимический ряд*, *стилевое разнообразие* (от высокого стиля церковных проповедей до уголовно-блатного жаргона), а также высокую ценностную позицию (брат и братство дороже любых материальных благ, это великий дар).

Даже с обыденной точки зрения, на уровне здравого смысла, без научного инструментария понятно, что изучение языка человека не может быть

неантропологичным, так как сам язык имманентно присущ человеку, и, следовательно, принципиально антропологичен, а лингвистическое описание языка во многом опирается на интуиции его носителя.

И, разумеется, концепт «брат» является глубоко антропоцентричным. Во-первых, он определяет человека – другого, но близкого. Во-вторых, подобное восприятие переносится и на животный мир, воспринимаемый с точки зрения человека (например, *братья-медведи*). Возможно, животные не воспринимают своего брата так же, как это воспринимают люди. Но с точки зрения человека, медвежата одной медведицы являются братьями.

Антропоцентричность концепта «брат» проявляется как в лингвистических, так и во внелингвистических характеристиках. В частности, в его этимологии, словообразовательном потенциале, синонимическом ряду, семантическом гнезде, фразеологии, в русском фольклоре, литературе и искусстве.

Концепт «брат» исследовался в рамках русской культуры, однако, с нашей точки зрения, её точнее было бы назвать "российской", поскольку, несмотря на то, что она манифестируется на русском языке, на самом деле на нее влияют культуры различных этносов, населяющих Российскую Федерацию. Эти этносы взаимодействуют собственно с русской культурой и неизбежно оказывают на нее воздействие даже на уровне базовых концептов. Однако изучение этого межэтнического влияния на концепт «брат» осталось за пределами нашего исследования. Кроме того, вне данной работы остались также различные аспекты влияния на диахроническое развитие концепта «брат» различных субкультур. В частности, представляется очевидным (и эвристически богатым) влияние на этот концепт так называемой «блатной», или уголовной субкультуры, что ярко проявилось в российской литературе и кинематографе (фильмы «Брат» и «Брат-2»). С другой стороны, в последние десятилетия в связи с возрастанием роли религии (главным образом, русского Православия), становится всё более заметным воздействие церковной субкультуры (в частности, возвращается в

обиход обращение «братия и сестры»). Эти процессы представляют несомненный интерес для дальнейшего исследования.

Так же присутствуют исторические изменения, благодаря которым, концепт «брат» трансформировался в русской культуре. Мы приведем несколько причин, почему *брат* приобрел некоторые новые свойства и потерял старые:

1. Принудительная атеизация общества во время советской власти.

Духовные, религиозные, нравственные основы концепта «брат», укорененные в двухтысячелетней истории христианства и в Православии как официальной государственной религии Российской империи, были очень сильны в классической русской литературе и, в частности, в творчестве Ф.М. Достоевского. В СССР они были вытеснены, запрещены и замещены иными основания братства – классовыми (пролетарское братство), идеологическими (интернациональное братство) и коллективными (в интересах общества брат предавал брата, писал доносы, обвинял в шпионаже и проч.).

Только в последние десятилетия с возрождением Христианства в России в концепт «брат» вновь возвращается, хоть и с трудом, христианский смысл.

2. Эрозия семейных ценностей (разводы, детдома, лишение родительских прав, отречение от родства). Кровное родство стало гораздо меньшей ценностью, чем было раньше. Фильмы «Брат» и «Брат-2» – попытка восстановления этих ценностей.

3. Криминализация жизни (в СССР и в России), когда блатная речь и жизнь «по понятиям» просачиваются и в концепт «брат», преобразуя его в «братана». Криминальное братство в культуре последних десятилетий (литературе, кино, театре, поп-культуре) становится все более заметным аспектом концепта «брат».

Автор не ставил перед собой цели междисциплинарного анализа, в работе использованы преимущественно филологические (лингвистические) подходы и методы. Тем не менее, потребность в междисциплинарном исследовании культурно-языкового концепта «брат», на наш взгляд, является актуальной.

Список литературы:

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. Под общ. ред. В.П. Нерознака, М.: Academia, 1997. С. 267-279.
2. Владимирова Т.Е. Слово в языковой картине мира и бытия // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 35-40.
3. Два Мороза [Электронный ресурс] // Сказайка. Детские сказки онлайн. [сайт]. 2021. URL: <https://bit.ly/3GALvM4> (дата обращения: 25.12.2021).
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы [Электронный ресурс] // Православный портал «Азбука веры» [сайт]. 2021. URL: <https://bit.ly/3Kdz62Y> (дата обращения: 25.12.2021).
5. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. Т. V. [Электронный ресурс] // Русская виртуальная библиотека. 11.10.2018 [сайт]. 2021. URL: <https://bit.ly/3txcnsO> (дата обращения: 25.12.2021).
6. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3-17.
7. Кинопоиск [Электронный ресурс] // Кинопоиск [сайт]. 2021. URL: <https://www.kinopoisk.ru> (дата обращения: 25.12.2021).
8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака, М.: Academia, 1997. С. 280-287.
9. Маршак С.Я. Двенадцать месяцев [Электронный ресурс] // Православный портал «Азбука веры» [сайт]. 2021. URL: <https://bit.ly/3Gx8RT5> (дата обращения: 25.12.2021).
10. Народные русские сказки / Сост. А.Н. Афанасьев [Электронный ресурс] // Православный портал «Азбука веры» [сайт]. 2021. URL: <https://bit.ly/3nqJudN> (дата обращения: 25.12.2021).

11. Слово о полку Игореве [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН [сайт]. 2021. URL: <https://bit.ly/3fur4Vb> (дата обращения: 25.12.2021).

12. Стернин И.А. Типы и концепты // Концептуальное пространство языка = The conceptual space of language: сб. научн. трудов, посвященных юбилею Н.Н. Болдырева / Под ред. Е.С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. С. 257-282.

13. Bartmiński J. Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji słowa // Konotacja, Lublin: UMCS, 1988. S. 169-183.

Сведения об авторе:

Хруль Станислав – магистрант кафедры русистики факультета прикладной лингвистики Варшавского университета (Варшава, Польша).

Data about the author:

Chrul Stanisław – master's degree student of Russian Studies Department, Faculty of Applied Linguistics, University of Warsaw (Warsaw, Poland).

E-mail: s.khroul@student.uw.edu.pl.